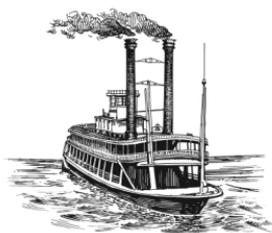

Лиза Лосева

Правый берег
ЕГОРА
ЛИСИЦЫ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каптыкиной*
Во внутреннем оформлении книги
использованы иллюстрации *Александра Верещака*

Лосева, Лиза.

Л79 Правый берег Егора Лисицы / Лиза Лосева. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-04-162715-7

Начало НЭПа. На пути из Таганрога сторел и почти полностью затонул пассажирский пароход. Егор Лисица — сотрудник новой советской милиции — в качестве судебного врача занят опознанием тел погибших. Однако среди них не удастся найти тело чиновника из Стройтреста и его жены. Их имена есть в списке пассажиров, но ни среди мертвых, ни среди живых нет их самих. Чуть позже чиновника находят в городской больнице. От удара по голове и долгих часов в холодной воде он потерял память. Где его жена, он не знает, да и ее саму не помнит...

УДК 821.161-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162715-7

© Лосева Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

НЭП. 20-Е. НАЧАЛО

На исходе сырой осени первых лет НЭПа на подходе к ростовскому порту сгорел пассажирский пароход «Советская республика», бывший «Цесаревич», бравший на борт больше сотни пассажиров. Последствия этот пожар имел самые разные, большей частью совсем неожиданные. Такие, как наградной револьвер системы Нагана, который достался сотруднику Донской народной милиции не в награду, а скорее по случаю.

Платон¹ считал, что память подобна воску, на котором отпечатываются все предметы. Забывание же похоже на стирание отпечатков. Он был не прав. Те осенние дни в Ростове я помню лучше, чем случившееся вчера. Разве нет памяти о прежнем? Остановись, подними голову и увидишь на стене рекламный проспект, где

---

¹ Платон, афинский философ, основатель школы мысли.

изображен не самый новый носовой платок, а на нем навязанные узлы — для памятности. По ширине плаката идут большие кричащие буквы: не забыть! Не забыть! Рисованный этот платок с узлами — популярная в бывшей империи реклама. А кричит она, убеждая покупателя, что «гильзы Катька» для папирос лучшие в мире и необходимо непременно их сразу же приобрести. Не забыть! Итак, завяжи на платке узелок, вот и вспомнишь нужное.

Остановимся. Вспомним. Что же нужное? Самое первое?

*На бой,
На грозный бой*

Пожалуй, в начало картины поставим колонну, которая выходит из-за поворота Красноармейской улицы, бывшей Скобелевской. Сотни голосов гремят, выводят единый ритм, шаг в шаг. Ростовский шальной ветер рвет из рук демонстрантов транспаранты, сминает буквы, плакаты качаются над толпой, держась энергией и силой не рук — голосов.

*На бой
Вставай, народ-титан!*

Дождь давно кончился, но небо морщится, раздумывая, не пролиться ли снова. Осень на юге поздняя, не слишком холодная, но с не-

пременными ливнями, черной густой грязью, плотными туманами по утрам. В полинялом небе черные кресты кричащих галок. Ранние прохожие — кто со свертком, кто с портфелем, кто без особого дела — любопытствуют в сторону колонны демонстрантов, толпятся на тротуаре. Среди них один уж очень бойкий гражданин пристраивается к сверткам, присматривается к портфелям. Руки он, впрочем, держит в карманах военной куртки явно с чужого плеча. Одет не по погоде, нелепо даже по нынешним удивительным временам, а на ногах и вовсе истоптанные парусиновые тапочки. Заметив, что я смотрю на него, бойкий гражданин отворачивает лицо, пряча его под козырьком драной фуражки-капитанки. Это определенно жулик, гольчик или мазурик — молодой вор. Самый незначительный тип, обычно презираемый среди карманников, таскает из корзин мелочи, провизию, сыпучий товар. Вполне определенно можно сказать, что бойкий гражданин из шпаны, которая дежуриет неподалеку.

*Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой!..*

Под широкой аркой двора табачной фабрики, бывшей Асмолова, шагают демонстранты.

Мимо меня и прохожих на тротуаре плывут выведенные белой краской слова «Выше знамена мировой революции!».

На бой, на бой!..

На «бой» шагающие приналегают и выходит протяжно. Демонстрация широкая, во всю улицу. Прохожие расступаются, пропуская колонну, жмутся к стене фабрики. Шагнув в ногу со всеми, я, кажется, ступил в хорошую лужу. Но времени зайти домой переодеться и хотя бы выпить чаю уже нет.

На бой, на бой!..

Я так устал, что на минуту прислоняюсь к теплой кирпичной стене. От нее тянет резаным табачным листом. Фабрика снова работает. Отсюда началась большая стачка рабочих. Ходила об этом частушка. Асмоловские девушки просили пятака. Асмолов рассердился, послал казака, было дело. Фабрика, само собой, национализирована. Слова песен сейчас другие. Новая власть здесь, на юге, больше не новая, а окончательная.

На бой, на бой!..

Завяжи еще один узелок, чтобы не забыть. Март тысяча девятьсот семнадцатого. Император Николай Второй подписал

отречение от престола за себя и за сына. Создано Временное правительство, во главе встала партия кадетов. Распущена полиция и жандармы, объявлена всеобщая амнистия. По Лубянской площади в Москве запели, зашвистели пули. Юнкера защищают Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Часы на Спасской встали, на циферблате на месте римской двойки — дыра от снаряда. Двойка — первое число, означающее единство, она символизирует грех, отклонение от изначального блага.

Ударило красное кресало, горит, разжигая пламя пожара из искр. В Петрограде вооруженное восстание, взят Зимний дворец. Временное правительство арестовано. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа объявила Республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Частная собственность на землю отменена, банки национализированы. Декларация пропечатана в газете «Правда», и снова акцент на двойке — выпуск № 2. Газету читают прямо на улице, и еще только скомкана она, еще только торговка сворачивает из нее фунтик под подсолнухи для солдата, как уже ясно, что бои и баррикады на улицах, стрельба, бессонные темные гулкие ночи, смерти и страхи отпечатанным документом не кончатся. Смутное время.

В Самаре сформирован Комуч¹ из эсеров, объявивший себя единственной законной властью. В Москве и Петрограде — Союз возрождения России, набирает силу казаческое антибольшевистское движение на Дону и Кубани, на юге вступают в Добровольческую армию.

Еще узелок. Июль 18-го года. По сообщению московской газеты «Жизнь», красноармейцами убит отправленный куда-то из Екатеринбурга бывший царь, а ныне простой гражданин Николай Романов. О судьбе царской семьи сведений нет. На улицах кто плачет, кто припустит «Крышка» и «эх, брат Романов, доплясался», а кто горячится «не нужно верить слухам». Напрасно спорит. Слух верный.

Кричат агитплакаты: «Одна рука, чтобы молот бил, другая — белых бить!» Республика освобождается от «классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Красный террор, белый террор. А есть еще и зеленые? А об отрядах анархиста Махно на Украине слышали? Или они зеленые и есть? Германия оккупировала Украину. Англия, Франция и США высадились в Мурманске, Япония разместила войска на

Дальнем Востоке. Метет, метет по всей земле. Пулеметная пурга Гражданской лепит, заносит города, села. Между рядами один и тот же глас: кто не за нас — тот против нас! А тому, кто не белого, не красного, не зеленого цвета — куда деваться? Пожалуй, что и некуда. Вот разве в тифозный барак. Вошь и смерть — друзья-приятели. Смерть тут рядом — в кармане и на аркане. Умерших от сыпняка свозят в цеха заводов, складывают поленницей. Не хватает врачей и лекарств. Холодно и темно в Москве, в Петрограде. А если свет в окне — это нехорошо. Особенно если горит всю ночь. Свет — значит обыск. Новый, 1920 год встречают призывом «напрячь все силы по очистке ж. д. путей», снежные заносы приостановили подвоз к Москве хлеба и топлива. И — побежали на юг. Примадонны, генералы, миллионеры, жулики и князья. Бладобрей при гостинице помадит усы белым и красным боевым командирам, без разбора. А как разберешься в них, когда целыми корпусами переходят войска с одной стороны на другую? Звенит ростовский трамвай. Красный ты или белый, а ехать всем нужно. Кондуктор не берет ни деникинских, ни других денег — нет смысла, власть меняется, как погода. Афишные тумбы говорят заголовками газет:

«Закупки хлеба и сахара за границей».

«Финансовая катастрофа в Германии, Берлин волнуется».

Красная — до неба — пыль. Отступление, эвакуация из Крыма. Корабли, груженные страхами, ушли, увезли тех, кто рушащееся оплакивал, — помещиков, офицеров, мещаночек и дворян. В новой стране нет сословий. Все теперь товарищи по новой судьбе. Мир старый сгорел. В дыму и пламени родился новый. Химическим карандашом аккуратно отметим на карте свежее, с иголочки название — РСФСР. Мирный договор между Советской Россией и Финляндией нарисовал государственную границу между странами, теперь эта земля чужая. Вычеркнем территории Польши. Как-то там теперь варшавский сыск и знаменитые воры? Впрочем, последние, думается, не горюют. Независимы Латвия и Эстония. Обрисуем иначе, чуть убавим, чуть прибавим и вот уж окончательно на карте — СССР. Первое социалистическое государство планеты.

В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет: памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц. В армянском городе Нахичевани скovyривают с постамента бронзовую Екатерину. Народ смотрит, но помогать не спешит. Памятника больше нет. Куда-то пойдет фигура? Переплавят на сковороды.

Обыватель за политикой не успеваает. Бросили бы стрелять друг в друга и хорошо. Однако и это пока не сбывается. Гражданская вроде кончилась, но когда вздохнуть, когда осмотреться? Декреты, бандиты, уплотнения. Железными зубами время грызет человека. Со вздохом припоминает новый советский служащий споры на даче о политике, о реформах, о постройке нового мира. Ну да что вздыхать? Мир строится. Дача сгорела, а может, взята под нужды молодого государства. В бывшей столовой идет диспут рабочих со «Смычки» о международном положении. Дачный собеседник, если уцелел, в Константинополе или в Париже — служит «дансэр де ля мэзон»¹ пожилым американкам. Революция и на Страстном монастыре начертила: «Не трудящийся не ест». Нужно добывать службу, паек. Старые газетные новости ободрали, заклеили свежими.

Определенно и окончательно ясно — никакой империи больше нет. Не существует и этой бывшей части ее — области Войска Донского. Упразднена. Вместо этого теперь Донская область, с центром в Ростове. Пала империя, подмяв под себя чины, и сословия, и даже грамматику — отменив «яти». Но что яти? Улица говорит другим языком — по-деловому, без сантиментов. Кричит лозунгами, поет протяжно,

---

¹ Партнер для танцев.

шагает, чеканя шаг... Не дремлет враг! Новое время спрессовывает, сплевывает слова. Бывает, что гражданин-товарищ некоторое время стоит у вывески, морщит лоб, пытаюсь разгадать, что это за учреждение. Исполком, Рабсила, Комбед. Сохнет свежая краска на вывеске бывшей «Часовой торговли Майзеля», теперь там три буквы — ЕПО. Бедняга шевелит губами в усилении, читает подсказку мелким шрифтом: ЕПО. Единое потребительское общество. Вот оно что! Стало быть, как раньше — торговля? Как раньше, да не так. И часы в магазине, бывшем коммерсанта Майзеля, как будто стучат скорее. Сбиваются с темпа «лисьего шага» фокстрота — четыре такта та-та-та — на революционную речовку. Неразбериха. Однако сам коммерсант еще здесь, только вывеску сменил. Стержется бандитов, ругает большевиков вполголоса, надеется на лучшее — НЭП. Еще одно сокращение — новая экономическая политика. У двери магазина, из которой торчит голова приказчика, а по-новому торгового служащего, ветер кружит крошечный серый смерч. Пыль, пыль повсюду, беда этого города в степи. Колонна демонстрантов попирает пыльные смерчи. Картузы, платки, несколько чудом сохранившихся гимназических фуражек, без гербов, с рваным околышем. Девушки с астрами в руках, с лицами с полотен итальянцев — одухотворенные, нежные, тонкие голоса в общем хоре.

*Не устрашит нас бой суровый,
Нарушив ваш кровавый мир...
На бой, на бой!..*

Красноармейцы несут лопаты. Летят листовки — призыв выходить на субботники. Они часты, город все еще смотрит дырами, черными горелыми окнами. Мимо меня, прохожих и старух, торгующих на тротуаре чесноком, тыквенными семечками и халвой в бумажках, пролетают слова лозунга, прицепленного к борту «Форда»: «Да здравствует освобожденный труд». Улицу заволокло бензиновой вонью. Прямо на меня смотрит пустыми глазницами свиная голова, воздетая на палку, — эксцентрический протест против мирового голода. Старухи широко крестятся, мелко плюют на тротуар. Единым шагом колонна сворачивает за угол длинного дома в конце улицы. За демонстрантами с криками бегут мальчишки.

Торговки оживляются, тянут вперед свой товар. Подозрительно бойкий гражданин вертит в пальцах медную гирьку — приметное движение, ловкие пальцы. Явно способен построить карьеру! Есть задатки вырасти в профессионала не хуже известного вора Полонского, умеющего вынуть брегет из чужого кармана только затем, чтобы узнать, который час. Бич нового общества, беспризорники, здесь прут со страшной силой, как бурьян. Едут на юг, цепляясь к вагонам, на крышах. Тепло, можно

спать на улице, в садах спеют местные абрикосы — жердела, вишни. Родителей убили или пропали в Гражданскую... Беспорядочников собирают в школы-коммуны, на деле нечто вроде исправительной тюрьмы. Мы держим шефство над такой школой. Толку не много. Бывает, даем шефский концерт, а на другой день милиционеры ловят наших зрителей на улице. Может, и этот тоже из... подшефных.

Звон, грохот. К Дону проносится пожарная команда, за ней карета с крестом от бывшей Еврейской больницы. Прохожие передают слухи: в порту пожар! Горят склады. Тут наперерез другой слухок — баржа с грузом загорелась прямо на воде. Солидный гражданин, засмотревшись, роняет на землю портсигар. Оступившись, неловко толкает бойкого. Тот теснит прохожего, цыкает зубом.

— Эй, дядя! — оглядывается и смеется. — Ты на пузо-то налог платишь?

Запел и завертелся:

— У буржуев тьма тревог,
На сердце — обуза,
Говорят, введут налог
На большие пуза!

Протяжно свистит и продолжает напирать.
— За пузом-то тебе земли не видно. Смотри, как идешь. Форс-штиблеты мои не мызни, — легонько подталкивает ротозея в спину.

Портсигар на тротуаре, весело ловит солнце, раззявив блестящий рот. Налетевшие бес-

призорники хватают рассыпавшиеся папиросы. Быстро, как пожар в порту, разгорается ростовский уличный скандал. Старухи приподнимаются с мест, не бросая из виду товар. И тут же по ушам бьет женский крик:

— Толкнул! И те набежали. А он хватъ масло и бегом!

Какая-то тетка рыдает с подвоем:

— Сверток! Кулек мой! Там все! Масло, масло!

Тетку усадили на стул старухи с халвой, сидит, широко расставив ноги. Мотаает головой, как водовозная усталая лошадь. Крики — туда побежал, милиция!

Я проталкиваюсь за бойким, догоняя демонстрантов, путаясь в их спинах. Фуражка-капитанка мелькает впереди, сворачивает в подворотню. Пятно света в кирпичной арке, поворот, двор. На центральных улицах особняки выстроены так, что проходными дворами можно пройти несколько кварталов. Двор увешан пестрым бельем, я продираюсь сквозь него, как через лес. Мешают низко висящие веревки. Из подвала выскочила собака, зашлась истерическим лаем. За широкой простыней угадываю силуэт, ловлю чужую руку. Вор на деле совсем мальчишка! Чуть ослабляю хватку, он дернулся и — рванул, верткий, как уж. Лабиринт ростовских внутренних дворов, одна подворотня, вторая. Минотавр завоюет в этой путанице летних кухонь, сараев, ледников, конюшен и лест-

ниц! Очередной двор, на земле бумажный ком! Бросил сверток? Тянусь поднять, но успеваю заметить, как в лицо летит осколок кирпича. На секунду я оглушен. Хватаю наугад, мне везет — молодой Люпен¹ у меня в руках. Осколок распорол кожу, но крови немного, царапина. Пока мы с ним тащимся через все подворотни обратно — он крутится и лягается.

— Пусти, дядя!

— Чего тебе бояться? Устроят в интернат. Хоть отъешься!

Мальчишка костлявый, верткий. Но слова дают обратный эффект. Уперся как осел.

— Лучше смерть! — крестится и машет свободной рукой. — В интернате бабские панталоны заставят носить. За ихову пустую марцовку такая обида?! Пусти, дядя!

Бабские панталоны, которые якобы выдают в приемнике, байка-пугалка для всех беспризорных, хотя действительно — горисполком реквизирует где-то дамское белье и выделит излишки интернатам.

Завыл — не пойду, пусти! Размазал слезы на грязном носу. Пробовал и кусаться. Пока мы таким манером дотащились обратно, пострадавшая тетка исчезла, как я ни искал. Улица занята своими делами. Черт его знает, что с мальчишкой делать.

---

¹ Арсён Люпéн — «джентльмен-грабитель», главный герой романов писателя Мориса Леблана.

— Ты вот что, слухи эти глупые. В интернате тебе дадут поесть, выучишься полезному делу, профессии.

Ухмылка в ответ.

— Не той, которая есть у тебя, а настоящей.

— Дядя, ты болвашка¹, что ли?

Он заныл что-то еще, но я его не слушал. Трамвая нет. Куда тащить моего Гавроша, непонятно. В приемник? Оттуда он, конечно, сбежит. Мальчишка опять зашмыгал носом. Проклиная свою непедагогичность, я снова чуть ослабил руку, выпустил локоть, и он тут же рванул в ближайшую арку проходного двора. Я поздно догадался сунуть ему это не нужное никому масло. Тяжелая бутылка норовила вылезти из рук, скользкая, как этот жулик. Очень кстати — не торопясь, но отчаянно звеня, подкатил трамвай и повезло — я уцепился на площадке. Висящие рядом, как спелые виноградины на грозди, пассажиры с пониманием потеснились. Соскочив на остановке у бывших меблированных комнат Песецкой, я наткнулся на канцелярский стол — устраивалось общежитие для молодежи. Интересная брюнетка в мужской блузе попросила прикурить папиросу. Засмотревшись, я замешкался, даже похлопал по карману в поисках спичек. Проклятая бутылка с маслом полезла из-под руки, брюнетка рассмеялась и отвернулась. Обгоняя

---

¹ Милиционер.

тележку татарина с хлебом, я ускорил шаг у дома врача-отравителя Португалова, который, по слухам, угощал пациентов мышьяком. На тумбе мелькнула афиша новой фильма — боевика. Но рассмотреть некогда. Не останавливаясь почти бегу мимо массивного куба Соборной мечети (тусклая бирюза, одинокий минарет) по Скобелевской. Где-то здесь при старой власти в другой стране удирал по крышам знаменитый ростовский вор по кличке Черт. Говорили, он выдумал явиться на бал-маскарад к, шутка ли, городскому чиновнику. Прделано было дерзко, сам полицмейстер остался без часов с брелоком (тяжелые золотые слоники, массивная цепь), а пристав 4-го участка лишился пальто и хорошей шапки. Это вам не масло тягать! Хотя что сам Черт против новых бандитов? Младенец, рисовщик. Пожалуй, и лихие гастролеры из Варшавы, о которых обыватели в Ростове еще пару лет назад говорили с ужасом и невольным уважением, потеснились, стали прошлым. Дурная слава Ростова как города виртуозных мошенников и воров в последние годы сменилась на худшую.

Ростов... Что это за город такой? Сорняк на теле бывшей империи, пробившийся сквозь жесткую землю степи и расцветший великолепно. Начавшись с таможни, пристани и гарнизонной тюрьмы с карантинном, город протянул вдоль Дона корпуса мельниц и фа-

брик. Поднял краснокирпичные стены водочного и пивоваренного заводов, запустил чугунолитейное производство. Молодой уездный город, растущий не по указке властей, а по резонам выгоды и торговли, быстро опередил губернские. «Улиц нью-йоркская прямота», — сказано о нем. Ростов часто сравнивали с городами в северных штатах Америки. Сначала из-за деловой хватки ростовцев¹, сейчас еще и благодаря криминальной славе. Собранный из приезжих, город похож на американца и портретом — его строили, расчерчивая по принципу двух улиц: «На север с юга идут авеню, на запад с востока стриты».

Провели водопровод, телефонную линию, осветили улицы электричеством. Вместо конки — трамвай, все чаще лошади пугаются треска авто. А ведь еще недавно граница между Османской империей и Россией проходила по местной речке Темернику и те места, где сейчас стоят хатки и бараки, составляющие знаменитую Бессовестную слободку, были частью чужой империи. Кстати, жители этой самой слободки и по сию пору именуют себя турецкими выходцами, хотя Турции в жизни не видали.

Город-рисовщик, город-щеголь, Ростов необычайно выгодно построен, здесь в плоской степи сошлись пять дорог, почтовых трактов:

---

¹ До революции и долгое время после нее жителей Ростова-на-Дону называли именно так.

Одесский, Харьковский, Кавказский, Бахмутский и Черноморский. Потом дороги оделись железом — рельсы соединили Ростов с бывшей империей со стороны Харькова, Таганрога и Воронежа. А уж когда пустили Ростово-Владикавказскую чугунку, город укрепился как один из крупнейших железнодорожных узлов. Прибавим порт и таможню и получим магнит для любого бизнеса и мошенников. Как перекати-поле прибывало в Ростов самый разный народ. Тот был предприимчив, смел, не слишком отягощен предрассудками или моралью — как все конкистадоры. Богатели быстро. Споры возводили особняки, заводы и рестораны. Открывали клубы и магазины. Бордели и игорные дома. Строили город азартно, так же как играли в карты и на бегах, на спор, кто выше. Мелкие коммерсанты, бывало, задирая головы на многоэтажные доходные дома, в азарте яростно спорили — эх, перебьем! И перебивали. Местный миллионер и судовладелец Парамонов начинал торговлю со станичной лавчонки. А дом и шестиэтажную мельницу, как говорили, выиграл в покер. Больше за карточный стол не садился из боязни спугнуть удачу и стал «хлебным королем». Отправлял баржи с мукой в Италию и Турцию. Коммерсанты Ростова не смущались теснить Ригу, Харьков и Москву. Да что там, фабрики в тех же американских штатах заказывали продукцию местных шерстяных фирм, доверяя ка-

честву настолько, что не требовали образцы шерсти.

Греки, итальянцы, турки, русские — все уживались в городе, соблюдая главную и негласную договоренность: торгуй и дай торговать другим. Православные, раскольники, иудеи и магометяне — договаривались о сделках, не вмешивая веру. Быстро нажитые деньги требовали символической доли — вот и делились. Купец Яшин подарил городу свой парк, после из него вышел Городской сад. Миллионщик Троянкин завещал городу состояние. Однако ростовец не был бы им, если бы и на благотворительных начинаниях не искал бы, что там можно «взять». Город-делец.

Ростов с «его тысячеликою толпою» делился не по чинам и сословиям, как было принято в бывшей империи, а проще — на богатых и бедных. Предприимчивая физиономия и энергическая, быстрая походка ростовцев смущает жителей других городов, рождает тревожность. Ростовец не гуляет «за просто так», он идет по делу, даже если то маячит пока только в воображении. Но оно есть, оно подталкивает поторопиться. Даже дамы шагают уверенно, быстро. Именно местные барышни быстрее прочих эмансипировались — когда Первая мировая, а за ней и Гражданская, укоротили волосы и подолаы. Здесь все делают быстро и говорят громко. Речь тоже звучит иначе, с выразительным говорком. Это город, не

чинящийся и никому не спускающий резкого слова. Может быть, именно этим характером, не замирающей здесь и вечерами жизнью, скоростью речи можно объяснить ту сверхъестественную быстроту, с которой вспыхивают уличные беспорядки?

На ростовских улицах не зевай! Здесь ротозеев страсть как любят. Каждый город славен своими жуликами и душегубами. В Петербурге по-крупному работали аферисты. Москва известна громкими убийствами. А на юге, в Одессе и Ростове, под жарким солнцем, где хорошо родили синенькие и помидоры и бойко шла всякая торговля — процветали шулера, спекулянты и воры. Прославился Ростов фальшивомонетчиками, виртуозными делателями поддельных векселей, контрабандистами, ширмачами, самогонщиками, работой Соньки Золотой Ручки и международной гастролью варшавских воров, после которой «сейф необычайной надежности» в бронированном хранилище местного банка выпотрошили, как рыбу.

Бессчетное количество народу прибывало на заработки и уезжало по торговым делам. Заработать можно было в порту, на ссыпке хлеба. На табачных фабриках Кушнарера и Асмолова платили немного, 4 рубля, а женщинам-работницам и того меньше. Но настолько живо шло это движение, что даже полицейское управление, не имея возможности твердо определить численность населения, справлялось лишь

о рождаемости и смертности. Армия приезжих, бывало, ковала из простых рабочих новых мещан, а иногда и торговцев, сумевших уже так сколотить капитал, что мрамор для особняков везли из Италии. Большой же частью из этой армии верстались солдаты иного рода. В поиске более легкого заработка «босая команда» пополняла ряды воров. Как опухоль рос другой Ростов, со своими порядками. Его вотчиной были окраины и слободки. Селились там самовольно самостроем, в землянках и хибарах, из подручного материала сооружая хатки-мазанки и сараи. Та самая Бессовестная слободка заселялась беспорядочно без всяких разрешений. Как и Олимпиадовка — собственность офицерской жены Олимпиады Гурьевой. У той землю выкупил купец Панченко и продал участки рабочим и перекупщикам. Жили здесь скученно, тесно, купец свои участки нарезал не щедро. Горячий Край, Собачий хутор, Грабиловка, Нахаловка... Вместо «здрасьте» тут могли поприветствовать «ростовским кистенем» — гирей на цепочке.

На Богатыновке обитала «придонная аристократия». Сводни, «блатер-каины» — скупщики краденого и им подобные, причисляющие себя к воровской верхушке. Станным образом район этот был одним из самых спокойных в городе, несмотря на занятия жителей. Тут были устроены несколько совсем приличных за-

ведений — Еврейская больница, коммерческое училище. И здесь же стояла Мазовая академия, она же «дядина дача» — попросту тюрьма. Объяснялся парадокс просто. Ростовские мазурики жили по принципу британских джентльменов: мой дом — моя крепость. И придирчиво охраняли порядок, в своем понимании.

До семнадцатого года висело в Центральной почтово-телеграфной конторе такое объявление: «Просим публику остерегаться воров». Вздумай кто сейчас вывесить такое — его бы подняли на смех. После Гражданской большая часть ростовских блатных подалась в бандитские шайки. Первыми днями налеты шли под лозунгами «Грабь награбленное», а потом так — без политики, без громких слов, по-простому. Новая поросль вербуетя вот теперь уже и из таких беспризорников, как мой недолгий знакомый. Многие, растерявшись, ищут случая прибиться к какой-нибудь силе.

В начале НЭПа в городе и окрестностях орудовали несколько десятков банд. Вблизи крупных железнодорожных станций сезонных рабочих караулили «собачники». Жертву зазывали в кабак, угощали водкой со снотворным — «собачкой». Душили и обирали до нитки. В высокой траве легко скроется человек на лошади, от любой погони уходили бандиты, прозванные степными дьяволами. После небывало жестокого нападения на «болгарские огороды» 1-й Балтийской трудо-

вой артели сладкий перец на местном базаре долго называли не иначе как кровавым. Убиты и изувечены были восемнадцать рабочих артели. По числу преступлений Ростов в те годы уступал только Киеву. Бандиты с кличками на манер средневековых королей — такие как Ванька Медный, были отлично вооружены. И организованы гораздо лучше, чем милиция. По городу, как булочные, натканы явочные квартиры. Информацию банды получали от «красных шапок» — рассыльных, таких держат владельцы дорогих магазинов. Ситуация обострилась настолько, что в ноябре 1920 года был издан приказ: «В интересах скорейшего искоренения бандитизма как в городе Ростове-Нахичевани, так и округах — всех бандитов, которые пытаются совершить побег и скрыться, расстреливать на месте».

Вот так и выходит, что бандиты у нас новые. Уличные указатели тоже. Старые сохранились еще кое-где на домах — но улица уже Красноармейская. Упирается в Таганрогский проспект, тот чует новые ветра, которые дунут, приналягут, снесут и дадут ему новое, революционное большевистское имя. «Палас-отель», где стреляли в атамана Рябоконя. Но об этом думать не хочется. Еще дворы, липы, акации — наперерез мне чихающий мотор, и вот наконец длинное двухэтажное учреждение с краткой аббревиатурой по моде времени: Дон-УГРО.

В ДОН-УГРО

Прямо при входе в Донской уголовный розыск поехали на меня греческая богиня с довольно мускулистым торсом, амурчик с луком, чьи-то лица в рамах. Тащили снятые картины, лежавшие до этого в одной из пустующих, а теперь освобождаемых комнат — штат рос. Дон-УГРО обжился на новом месте. А 4-й райотдел милиции — самый большой участок в центре, включающий базар. При входе лозунг белыми буквами: «Мы никогда не спим!» Под ним на доске распоряжения и объявления: «Выдача мануфактурных пайков ком. 102». «Неделя ребенка» (вспомнив давешнего мальчишку-вора, я машинально потер ссадину на лбу) и прочее. Отогнут угол коричневого плаката — фигура с жезлом на фоне Большого театра, надпись на плакате утверждает, что это товарищ Троцкий — почетный милиционер. И рядом же от руки выведено крупно:

«Месячник борьбы с уголовным бандитизмом».

Ниже и мельче — привлечение воинских частей, патрулирование.

Идущая мимо женщина-конвойный посмеивается:

— С бандитизмом-то месяца не хватит.

Ниже рядом прицеплен листок из газеты «Трудовой Дон», заметку обвели черным грифелем:

«На Мало-Садовой улице в 8 часов вечера милиционерами завязана перестрелка с десятью неизвестными бандитами».

Тут же физиономия чернявого брюнета и текст «по данным Одесского губрозыска, в наш город выехал известный аферист, кличка Натан Херсонский». Указана и особая примета — золотой зуб.

У доски разговоры:

— Жалко, эх!

Это про перестрелку и погибших милиционеров. И тут же:

— Херсонский-то артист! Ювелирная работа, — читающий объявления тычет желтым от махорки пальцем в нос брюнету на доске. — Одному нэпману пообещал достать шевииот на костюмы феноменально дешево. Тот от жадности согласился. А ему все деньги в пакете заменили на резаную бумагу. И уж, конечно, никакого шевииоту.

— Ну так дешево и вышло, — смешки и реплики в толпе, — считай забесплатно.

— Так этот дурак нэпман до вечера проторчал на улице, все дожидался, когда ж материю ему привезут. Здесь он крик устроил, мол, мало внимания его делу, а тут как раз наших с Мало-Садовой привезли. Не до него, собаки!

— Да уж, шевиота им теперь не надо.

За коридором с объявлениями и плакатами стойка, за ней стол дежурного. Там хохот, гам. За толпящимися мелькает загорелая спина, плечо и ноги как будто абсолютно голого гражданина. Ограбили и раздели? На улицах снимают всё подчистую. В насмешку бывает сунут газетку, чтобы прикрыться. Я подошел. Гольй горячился:

— Решительно — да пройдите же — нужно забросить мещанство под сукно!

— А я вам говорю, не стойте у проходе, — дежурный машет перед лицом голого, — в сторону шагайте.

На плече раздетого измызганная лента с надписью: «Долой стыд».

— Что он здесь?

Один из молодых милиционеров кивнул, откровенно усмехаясь:

— Говорит, шо он по убеждениям без порток. Сын, значица, Солнца. По твоей части, товарищ-доктор, вся ж анатомия наружу.

Милиционер крутит головой от смеха.

— Натурально в чем мать родила ехал! На ходу его прямо с трамвая выпихнули, вроде били.

Адам, изгнанный из трамвая, возмущен:

— Нет! Не выпихнули, это искажение! Я сам сошел.

— Подвиньтесь, дайте доктору пройти.

Дежурный, не зная, за что ухватить голого, чтобы отодвинуть, махнул рукой — проходи, и пояснил: — Радикальный нудист, с трамвая ссадили.

Шум вокруг стойки растет. Из-за спин выглядывает кто-то сердитый, торчит рука с пачкой бумаг. Голый неожиданно поворачивается всем корпусом, вызывая несомненный аффект у милиционеров и собравшейся толпы.

— Мы — футуристы жизни — заявляем протест условностям мещанства. Стыд — это предрассудок! Что, кроме наготы, выражает наше общее равенство?

— Антрацит!¹ — отвечают насмешливо из толпы.

— Не восклицайте, товарищ, — устало утешает его дежурный. — Документы дайте! И пройдите вон — до лавочки, вбок, в сторонку. Народ собирается — смущаете людей!

— Вот билет, пишите! — худые ноги нервно стучат о край стойки тупыми носами неожиданных в этой ситуации коричневых штиблет. Комсомольский билет возникает из ниоткуда.

---

¹ Махорка.

Кроме ленты и обуви, при нудисте никакого имущества.

— Все пропишем, зафиксируем, — уверяет дежурный, напевая: — Я так застенчив, мадам. Что краснею тра-там... — потирая щеки в многодневной щетине.

— Дайте карандаш, что ли, чернила вышли! — кричит, копаясь в бумагах.

Дежурный, спокойный в любой ситуации, широкоплечий малоросс, напевает всегда. В дело идут новейшие шлягеры или старые романсы — все равно. Голос — дрянь, но слух вполне музыкальный.

Пострадавший голый пристраивается на край лавки. Остальные посетители, уже не обращая внимания на радикального нудиста, негромко переговариваются. И не такое видали. Только задержанный в шапке-финке на затылке и клешах осмотрел, свистнул и длинно матерно выругался. Отдельно от всех, молча сидит старуха в мужском пальто.

— Второй день приходит.

— А что?

— Убили у нее кого-то.

У стола описывают белье. Молодая гражданка, а приглядеться, так, пожалуй, что и барышня — на коленях ридикуль, рука нервно сжимает у горла потрепанный мех — всхлипывая, диктует, милиционер повторяет за ней.

— Простынь камчатая? Покрывало зеленое, шерсть.

— Чистая шерсть, — поддакивает, морща красный носик, потерпевшая.

Ограбили комнату или записалась в гражданском подотделе с женихом, а тот оказался авантюристом, да и ушел наутро с вещами. Разбил, шельма, семейную лодку ради серебряных ложек и шерстяного покрывала — обычное дело.

В конце узкого коридора, заставленного столами, какими-то комодами, распахнуто окно, тянет сырым сквозняком. В коридоре собралась короткая очередь у двери с плакатом, на нем кратко от руки: «выдача ман. пайков». «Ман» — значит мануфактурных. А выдают суконные шаровары, зверь редкий, даже странно, что очередь такая короткая. Хотя давно уже официально объявлено, что необходимо «выпукло выделять работников милиции из среды прочих граждан», вот и взялись за выпуклость с энтузиазмом — средств не хватает. Некоторые милиционеры все же получили знаки отличия вместо повязки на рукаве. Но форменной одежды никакой в провинции нет, состав милиции почти поголовно ходит в поношенных солдатских гимнастерках и шинелях, а то и в обычных городских пиджаках, кожанках. Спущена директива о необходимости выдачи сапог, однако случалось, что на засады и задержания выезжали в лаптях или штиблетах на подошве из веревки. Сотрудникам угрозыска форменной одежды и вовсе не положено. На мой вопрос, почему нет ажиота-

жа, из хвоста очереди меланхолично ответили, что все почти на выездах, был налет на кассу, да еще что-то вроде случилось в порту. Напротив очереди, на подоконнике, конвойные, прислонив винтовки к стене, раскинули карты. Первое время я чувствовал себя здесь как буртук¹ в реке. Теперь это знакомая, деловитая толчея. Приказ за простеньким номером двадцать два. Вот что запустило работу дежурного, эту суету, рев мотора во дворе, стук пишмашинок. Этим приказом предписывалось создать новые органы правопорядка. Советскую рабоче-крестьянскую милицию. Она у нас — общая для двух городов: Ростова и армянской Нахичевани. Общие и канцелярия, и уголовно-разыскной стол, и постовая команда, и даже служебно-разыскная собака. Города разделены пустырем — межой. До революции управление в них было разное. А вот полиция одна. Теперь, выходит, старый анекдот о том, что у двух таких разных городов едины полиция, тюрьма и бордели, снова звучит свежо. Хотя бордели мы исключаем. Новая власть ведет непримиримую борьбу за искоренение проституции. Желтые билеты, обязательные осмотры и надзор отменены. И сами гуляющие барышни прониклись историческим моментом. Организовалось даже нечто вроде профсоюза с собраниями. «Обсудили, постановили: на вре-

мя — десять, на ночь — двадцать пять». Власть, однако, не поддержала прогрессивную идею, и мадемуазелям предложили влиться в семью пролетарских рабочих. Красные портьеры пошли на флаги, а барышни — на работы по приучению к общественному труду. Приняли циркуляр «по борьбе с явлением». Но сводничество, как и притоны, совсем придавить не удалось. Пройдись вечером при любой погоде, хоть в самую дрянную осень, обязательно возле пивных или городской бани из подворотни выглядывает фигура в пестрой шляпке. Я, как все медики, циничен, но, бывает, присмотришься и злость берет — жесты и взгляды призывные, а сама почти ребенок. Кутается в шаль, по лицу течет краска и пудра, размокшие под дождем. Вот тебе и циркуляр.

Интересное, нужно сказать, с ними вышло дело. Хотя утверждалось, что бюрократия будет существенно уменьшена уже на первом этапе социалистической революции, а после и вовсе абсолютно исчезнет — произошло обратное. Настало время мандата, время бумаги. Она разрешает, запрещает, дает власть, и самой мелкой мелочи нельзя получить без бумаги. В шатком положении нового мира слова закрепляют явление в действительности. Вот и «рабоче-крестьянская милиция» на бумаге была названа органом борьбы с «неполитической» преступностью. С контрреволюцией и саботажем должно бороться другое ведом-

ство: ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия. Однако к моменту описываемых в этой тетради событий ВЧК упразднили, вместо нее стало ГПУ, и все функции по борьбе с уголовным бандитизмом передали угрозыску. Функции при этом были самые размытые, никто не знал, где они заканчиваются, и поэтому сотрудники уголовного розыска занимались и предварительным следствием по делу, и розыском, и дознанием. Я бы не поручился, что кто-то из нас хорошо понимал тонкости этих перемен. «Вводят в подчинение и выводят из-под туда, шаландаемся», — говорил наш дежурный. И затягивал слова популярной песенки о бедствиях приехавшего в Ростов из Стамбула турка.

— Из финотдела в винотдел, из винотдела в Донатоп, а оттуда в центргроб, вай, лопнет мой турэцкий голова, — пел он, нажимая голосом на э, получалось с удалью.

Но что же такое был уголовный розыск в годы НЭПа на самом деле?

На крыльце сидели пекарь, извозчик, сапожник, портной, кто ты будешь такой? А будешь ты советский милиционер, если повезет, выдадут оружие по табелю и нашивку — звезду. А не повезет, так и говорить нечего. Кадров в милиции не хватает катастрофически. Фабзавкомы¹ обязаны призывать рабочих служить в милиции, поставили даже выработку по аги-

тации — три процента. Но и эта норма набиралась туго, рабочие в милицию идти не хотели, ведь стреляли здесь много, а платили мало. К тому же местные, ростовцы, к органам правопорядка относились без уважения при всякой власти, просто по традиции. По этим причинам в ростовской милиции много чужаков. Едут сюда охотно — юг, тепло, не так голодно. Ростов, давно привыкший к самым разным лицам и диалектам, принимал всех легко. Как-то устраивались, осматривались и вышло так, что из сотен человек, прошедших через наш 4-й райотдел в первые годы рождения милиции, лишь несколько десятков уроженцев Ростова. Были среди милиционеров и рабочие мастерских, и сапожники, и телеграфисты, и кожевенники, и пекари, и недавние студенты.

Запевала-дежурный у барьера приехал на юг из Смоленска, там холодно и постоянная нехватка продуктов. Тут тепло и милицейская пайка. Дневное довольствие складывалось из хлеба — один фунт, рыбы или мяса — четверть фунта, мыла давали полфунта в месяц, сахара, соли, масла — немного, а круп побольше. Тут я вспомнил о масле, которое все еще таскал с собой! Выдавали и табак — три золотника.

Для всех вновь поступающих в органы милиции в соответствии с очередным циркуляром предъявлялись требования, однако, самые простые. Сотрудник новой советской милиции должен был уметь читать и писать. Знать араб-

ские и римские цифры и правила арифметики. Без запинки ответить, чем отличается советская власть от буржуазии. Но на деле бывало, и этого не знали, может, кроме заученного насчет буржуазии. Вокалист-дежурный был толковый. Не всегда грамотно заполнял бумаги, но умел уговорить любой скандал. Его сменщик — типографский наборщик, наоборот, бумаги заполнял виртуозно, со склонностью к сочинительству. Но такие кадры были редкостью, да и важнее оказывалось другое, к примеру, знать стрелковое оружие, его разборку и сборку. Хотя не все милиционеры готовились на своем посту защищать обывателей. Раньше дроля был мазурик, а теперь коммунист, время было такое, что в милицию с самых первых дней ее создания затесались и бывшие преступники. Потому советской милиции пришлось одним из первых приказов запретить обыски и изъятия вещей без ордеров. Поначалу бывшие жандармы не возвращались на службу. Да и в милиции их не ждали, как объявленных «врагами трудового народа». Однако после приказа Ревкома о том, что бывшим служащим необходимо вернуться на свои рабочие места в народную милицию, понемногу пошли — присяжные поверенные, секретари суда, даже адвокаты. Знаний и опыта у бывших было несравнимо больше. По привычке они строго соблюдали служебную дисциплину, пытались наладить работу канцелярии и архива. Неукоснительно

в свежем воротничке, в шляпе с лентой, ходил на службу агент Куц. Он всех подчеркнуто называл на «вы» и избегал обращения «товарищ» абсолютно виртуозно. После нескольких стычек из-за пущенного ему вслед «архаровец» все как-то узнали, что Куц из семьи рабочего, то есть происхождения безукоризненного по нынешним временам. А до революции во время службы в розыске он, раненный в живот и руку, отбил налет банды Водолазкина в вооруженной засаде на Богатыновском.

Таким вот манером в милиции собрался ветхозаветный ковчег на абсолютно новый лад. Вчерашние гимназисты, люди возраста очень почтенного и даже барышни. Гражданки служили конвойными. И все они имели дело с такой публикой, как Ванька Медик, он же Иван Менников, который легко убивал за несколько кусков мыла. Или с бандой Духа, а тот во время налета на квартиру на Казанской вырезал всю семью и выколол жертвам глаза.

В клятве милиционера в первые годы работы новой милиции были такие строчки: «беспощадно подавлять все выступления против советского правительства... Быть честным, правдивым, исполнительным и вежливым со всеми — а в особенности с городской и деревенской беднотой. За нарушение пунктов подлежу законной ответственности и высшей мере наказания».

По вечерам деревянные двери бывшей гостиной особняка, где помещалась теперь новая советская милиция, дрожали от голосов хора — советским милиционерам полагалось знать текст «Интернационала». В общем хоре не разобрать слов, но явно слышен единый порыв. В этом вечернем пении было что-то едва ли не религиозное. Запомнился мне один бывший трамвайщик. Он поспорил со мной, убеждая меня, что при постоянной тренировке можно взять какую угодно высокую ноту. Горячась и приглаживая сердито топорщащиеся усы, он рассказывал о своих успехах в любительских спектаклях в Самаре. А наутро так же сердито торчали усы на его мертвом лице, — тело привезли после перестрелки возле склада артели. Бандиты взяли 50 аршин мануфактуры и 200 пачек спичек...

По лестнице мимо меня сбегали, поднимались, окликали и толкались. Наконец я добрался до кабинета в самом конце длинного коридора. Окно в торце выходило в колодец двора. Напротив дверь черной лестницы, усыпанной окурками, как листьями. Не удержавшись, я чуть замешкался перед дверью кабинета и еще раз взглянул на бумажку, прищипленную кнопкой: «Судмедэксперт тов. Лисица. (Уголовно-разыскной подотдел.)»

ЛЕКЦИЯ АГИТПРОСВЕТ

Привычно поднажав, я толкнул вечно застревающую дверь, вошел в кабинет и первым делом увидел на подоконнике ноги младшего милиционера, товарища Репина. Сам он утверждает, что его «революционный псевдоним» Красный, но все зовут его Репой, признать, и я тоже, хоть и за глаза. На стук двери он спрыгнул и стряхнул грязь от сапог с подоконника, одернул гимнастерку. Репа прошел всю Гражданскую. Самая очевидная и печальная его примета — черная повязка на пустой глазнице слева, лишился глаза в бою под хутором Перевозным. В любую погоду на голове у него дикая мохнатая шапка на манер горской. Высокий, худой, гимнастерка перетянута португеей. Он весь, от сапог, просящих каши, до макушки своей дикой шапки — мечта о выезде на настоящее дело, облаву. Ожидая меня, он влез на подоконник, чтобы зрячим

правым глазом рассмотреть, что за суета во дворе.

— Вот, товарищ доктор, дожидаясь вас, — расправил бумажку и наклонил голову, чтобы прочесть, — предписано провести лекцию агитпросветбеседу с целью...

Пока товарищ Репин читал, открылась дверь, в комнату сунулась голова, поводила глазами и исчезла. Громче застрекотал мотор во дворе, донеслось ржание милицейской кобылы.

— Выезд готовят, таратайку запрягли. Собаку берут! Зачем она им? Элен Хаус Апольд кличка, слышали? — тоскливо говорит Репин.

В его тоне отчетливо слышен упрек. Собаку Элен Хаус берут, а ему торчать тут, неизвестно за ради чего. А настоящее дело, оно там, уходит.

— А что там? — я наконец избавился от треклятой бутылки с маслом, пристроив ее кое-как среди бумаг на столе.

— В порту стрельба. Вроде бочки с горючкой взорвались. Так идем, что ли, на агитпросвет? Или забыли?

Точно! Такая бумажка мне была. В очередном циркуляре Центрозоыска указывались среди прочей работы лекции для сотрудников. И я действительно должен был подготовить «агитпросвет». Но, закрутившись в текучке, я об этом совсем забыл. Вот уже больше года я ассистент на кафедре судебной медицины и эксперт-консультант подотдела

создающейся в городе лаборатории. Та пока действует больше на словах и создается по типу отдела при Центрозыске в Москве. Зато новое Положение о правах и обязанностях медицинских экспертов значительно расширило полномочия медиков и криминалистов на предварительном следствии. Медэксперт теперь «является самостоятельным работником». Мне дано право изучать материалы дела, осматривать вещественные доказательства, опрашивать свидетелей и «выяснять все обстоятельства, имеющие значение для экспертного заключения». Весь подотдел, в котором я же и консультант, в общем-то состоит из меня самого. Мне в помощь придан фотограф, товарищ Цырыпкин. Тот утверждает, что его папа (он произносит папá) был французом, но на деле он родом из Харькова. Помощь от Цырыпкина нужно заслужить, как благосклонность девушки. Если нет прямого приказа начальства, то застать его на месте большая удача. Дело в том, что Цырыпкин почти всегда занят тем, что снимает на улицах прохожих. Для этого он в хорошую погоду выставляет на тротуаре фанеру с намалеванным конем и силуэтами гор. Красоты Кавказа с поправкой на местный вкус нравятся обывателю. Уличная фотография — дело прибыльное, отвлекаться от него Цырыпкин не любит. Однако в работе с розыском тоже видит азарт. И уж если удалось залучить его на место происшествия,

то работает он тщательно, добросовестно, громоздится на сарай ради обзора получше.

Пока я собирал кое-что из бумаг, Репин терпеливо ждал. Скрипнула дверь. В комнату заглянул озабоченный Самсон Сидорня и сказал, что народ уже «шумкует немного». Сидорня, еще один из моих помощников и, пожалуй, самый надежный. Бывший швейцар. Его нечасто берут на облавы, выезды. Сидорня был легко контужен при совсем не военных обстоятельствах. Сидел на лестнице, читал, кажется, роман Хаггарда. Стоявший на рейде корабль шарахнул из орудия, его и оглушило взрывной волной.

В коридоре мелькнула спина неуловимого Цырыпкина. Потянуло сквозняком из боковой двери во двор. Мы выглянули — на крыльце курили. Сидорня махнул рукой:

— Товарищи, проходите в зал!

Бросают папиросы, переговариваются. Мрачные.

— Порт, пароход, а может, и склады.

Появились и подробности о пожаре. На выходе из гавани загорелся пароход. Были сведения, что банда готовилась напасть на фельдъегерей госбанка, перевозивших крупную сумму.

Как все собрания и репетиции «Интернационала», лекция проходила в самой большой комнате бывшего особняка. В зале уже собра-

лось прилично народу, головы, кепки, буденовки, косынки. Остались стоять у стен. Грохот — «манлихер свой держи, на ногу упал!» — смешки. На задних рядах раскинули карты. Я остановился — оживились:

— Доктор, сыграй с нами?

— Он такую штуку может, сила!

Картежников поражает довольно простая способность запоминать и считать карты. Я не прекращаю занятия по тренировке памяти. Этот фокус неизменно просят повторить еще раз. Однако в центре комнаты уже поставлен стол, накрытый бордовой скатертью. На нем стопка газет и стакан с водой. Скатерть из бывших, с вензелем, уже успела узнать жизнь — вся в прожженных папиросами дырах, но фасон держит. Я же, напротив, его растерял. Про лекцию я вроде бы помнил поначалу и даже хотел набросать несколько ее пунктов. Но моя аудитория имеет дело с грабежами, убийствами, налетами. И мало толку было бы, реши я рассказать им, к примеру, подробности громкого расследования дела о подлоге векселей баронессы фон дер Ховен. В большинстве случаев с задержанным нет нужды церемониться, применяя техники допроса. А простейший и вернейший способ получить показания — тот, которым не гнушались и в царской полиции, а именно — дать в ухо. Но уже и в Москве понимают, что нужна система. Работа судебного врача

и криминалиста на месте происшествия необходима.

— Я попрошу серьезнее!

На пяточке перед рядами стульев старший агент Куц зачитывает директиву из Москвы. Говорит, что задача милиции, с одной стороны, состоит в подавлении классовых врагов, а с другой — в борьбе с преступным элементом, мешающим строительству первого в мире социалистического государства. Директива указывает принять интенсивные меры к ознакомлению с методами регистрации преступников — дактилоскопией и словесным портретом.

— Бандиты специализируются, и мы должны это сделать вслед за ними, — закончил Куц и махнул мне, мол, начинайте.

Начать я решил с высказывания француза Локара¹ о том, что «каждый контакт оставляет след». В зале тут же поинтересовались словом Локара. С задних рядов недоверчиво уточнили, не из буржуазии ли, а может, и вообще какой-нибудь граф? Эти предположения я отмел, убежденно ответив, что он, несомненно, поддерживал французскую революцию. Кто знает, может, так оно и было. Ответом слушатели удовлетворились.

Самое важное — убедить их соблюдать правила осмотра места происшествия. Что-

---

¹ Эдмон Локар, пионер судебной медицины, известный как «французский Шерлок Холмс».

бы объяснить важность этого, привел пример недавнего выезда, где милицейская телега и сапоги агентов полностью уничтожили следы шин мотора, на котором к кассе подъехали бандиты. А ведь всего-то нужно устроить ящик над ними, корыто или доску, положенную на кирпичи. Мой энтузиазм, однако, одобрения не встречает. Аудитория шумит, выкрикивает:

— Да что там крыть? Крыть и нечем, наши слева, ваших нет. Хоть накрывай, хоть что, все одно...

— Да уж понятно и без следов, куда они вывезли, — в зале смех.

— На старбазаре посмотреть, найдется!

Завладеть вниманием мне удастся при описании бертильонажа и словесного портрета. За исключением нескольких пустых вопросов, слушают внимательно, кое-кто даже записывает. И возможно, даже мои слова. Но на описании методов фиксирования «определенных неизменяемых телесных особенностей» — а именно примет преступника — снова осечка.

— Так эти приметы никак невозможно зафиксировать, — под общий хохот. — А потому бегают шибко, не рассмотреть.

Лучше дело пошло, когда добрались до пальцевых отпечатков. Прямо застыли, особенно заинтересовавшись методами снятия отпечатков на пригодных поверхностях — полированном гладком дереве и стеклянной посуде. Увлечшись

темой, я вдруг понял, что почти пересказал в деталях рассказ «Убийство на улице Морг».

— А если, к примеру, нету пальцев? — это поднялся с места Репин.

— В этом случае обозначаются нулем.

— А если, допустим, покоцан палец? Ну, травма.

— Отпечаток в карточке обозначают знаком вопроса.

Развить тему не удастся. В зал заглянул тот самый старший агент Куц.

— Лекция окончена, доктор нужен на происшествии.

Пока все расходились, он коротко рассказал, в чем дело.

— В порту полыхнуло, вы уже знаете. Сгорел пассажирский пароход. Пожар начался рядом с портом. Остатки парохода оттащат буксиром поближе к берегу. На палубе была перестрелка, погиб наш сотрудник. Накануне сообщили, что бандиты следят за инкассаторами банка. Крупную сумму перевозили из Ростова в Таганрог.

— Дензнаки для выдачи зарплаты рабочим?

— И не только.

Видимо, еще и для обмена. Продолжается денежная реформа. Перевозят в банки купюры нового образца.

— В общем, сумма выходила внушительная. Инкассаторов, конечно, охраняли. Пальба на пароходе началась по непонятной причине.